

Крушение американского „процветания“

I.

Быть может, никогда различие между плановым хозяйством и хаотической сущностью капитализма, даже самого организованного, не обнаруживалось столь ярко, как в последние месяцы прошлого года, во время краха Нью-Йоркской биржи. И разве не является в высшей степени характерным, что в то время, как в Советском Союзе шла напряженнейшая работа над пятилеткой, над построением конкретной и реальной картины близкого будущего, этой до осязаемости ясной и достижимой цели социалистического строительства,—научная мысль сильнейшей империалистической страны оказалась в состоянии создать лишь труд, посвященный прошлому,—сумела лишь констатировать «Новейшие экономические изменения в С.-Штатах»¹, происшедшие за период времени от 1922 по 1923 года (?). Конечно, трудно ожидать, чтобы экономическая мысль страны, убаюканной навязчивой идеей «процветания», буржуазная мысль, стремящаяся отнюдь не к переменам, а лишь к изысканию средств продлить это пресловутое «процветание» как можно дольше, уберечь свой земной рай от посторонних влияний, как можно прочнее,—чтобы эта мысль оказалась в состоянии прозреть будущее хотя бы в самой ничтожной степени. И действительно, не только отдельные ученые экономисты, но и научные учреждения Америки—почти накануне биржевого кризиса—чаще всего высказывали абсолютную уверенность в невозможности каких бы то ни было потрясений хозяйства С.-Штатов и безмятежно смотрели в будущее через гуверовские розовые очки. Предостерегающие голоса были лишь редким исключением.

На 16-й ежегодной конференции, посвященной вопросам промышленности и торговли («16 Annual National Business Conference»), известный экономист и знаток биржи Роджер В. Бэбсон (Roger W. Babson) высказался в том смысле, что ненормально высокие курсы биржевых бумаг рано или поздно пойдут вниз, и тогда неизбежно наступит биржевой крах. Не лишено интереса, что самым решительным образом против этого взгляда выступил никто иной, как Ирвинг Фишер (Irving Fisher), известный американский экономист, произведения которого пользовались популярностью и у некоторых из наших специалистов по мировому хозяйству. По мнению Фишера рост биржевых курсов является прямым следствием процветания, «Prosperity»—американского хозяйства. По его вычислениям доходность основных промышленных бумаг на протяжении года поднялась всего от 2½ до 3%, несмотря на высокий биржевой курс. Быть может некоторое падение курса и наступит, но, чтобы дело дошло когда-либо до бир-

¹ „Recent Economic changes in the United States“. Такое заглавие носит, как известно, отчет „Комиссии Гувера“ („Committee on Recent Economic changes of the Presidents Conference on unemployment“).

жевого краха, какой предвидит Бэбсон,—об этом Фишер не допускает и мысли. Полемика перешла на страницы журналов и столбцы газет; нужно ли прибавлять, что мнение Фишера оказалось преобладающим? Это в особенности произошло тогда, когда к авторитетному экономисту присоединилось авторитетное учреждение. Еще 5 октября прошлого года, т.-е. почти накануне биржевого краха «Гарвардское Экономическое общество» («Harvard Economic Society») выпустило свой еженедельный бюллетень, в котором недвусмысленно высказало взгляды, весьма близкие к взглядам Фишера. Правда, в последние недели падение биржевых курсов было значительнее, чем в мае 1929 г., или в июне и декабре 1928 г., или, наконец, в октябре 1927 г. Однако, «это падение, по нашему мнению, не послужит началом длительного периода ликвидаций, а скорее всего, как это имело место при всех падениях курса акций с 1921 г., окажется преходящим».

Само собою разумеется, что подобного рода манифестации способны были парализовать недоверие, если оно у кого-либо возникало. Тем более, что поддерживать оптимистические настроения в кругах заинтересованных в биржевой игре, составляло профессиональную задачу спекулянтов. Разразившийся во второй половине октября прошлого года биржевой крах оказался поэтому для большинства громом с ясного неба.

Подъем курсов акций на Нью-Йоркской и других американских биржах начался вскоре после кризиса 1921 г. Это поступательное движение биржевых курсов было прервано в 1923 г., затем весной 1925 и весной 1926 г.г. Падение курсов было довольно значительно в особенности в этом последнем году. Что же касается декабря 1928 г., то в это время снижение курса было лишь незначительным эпизодом, после которого вскоре наступил новый подъем, продолжавшийся до марта 1929 г. Постепенно снижаясь, курсы достигли в мае снова довольно низкого уровня. И это было уже несомненным и непосредственным, хотя и весьма кратковременным и преходящим результатом политики резервного банка, повысившего учетный процент,—равно как и отказа других нью-йоркских банков в финансировании фондового рынка. В конечном счете эта политика потерпела полную неудачу. Очевидно, однако, кое-где уже становилось ясно, что между развитием народного хозяйства и лихорадочным ростом биржевых ценностей нет прежнего соответствия. Тем не менее, курсы бумаг продолжали расти, хотя и с известными колебаниями. Но, странным образом, чрезвычайно высокий уровень их в сентябре и в первой половине октября сопровождался уже довольно частыми «ликвидациями». Причиной этого является то, что, по вычислениям уже упомянутого Роджера Бэбсона, из всех котирующихся на Нью-Йоркской бирже акций в поступательном движении участвует лишь около половины их. Курс же остальной половины в сентябре 1929 г. был ниже, чем в начале этого года. Очевидно, сентябрьские ликвидации связаны со спекуляциями именно этими акциями. Это уже были первые предвестники кризиса.

Мало-по-малу признаки сгущались. Начали заметно падать в цене акции предприятий второстепенных. Затем к ним стали присоединяться и акции предприятий крупных, «солидных», составляющих гордость американской индустрии. Характерно, что первые крупные продажи акций были произведены банками и различными организациями, специализировавшимися на биржевой игре. «Большая публика», благодаря таким оценкам положения, как приведенное выше выступление Ирвинга Фишера, благодаря успокоительным заверениям различ-

ных ответственных и официальных лиц, банкиров и членов правительства — вплоть до президента республики, — несмотря на сгущающиеся тревожные признаки, все еще оставалась спокойной. Но снежный ком нарастал и превратился, наконец, в лавину. Биржей овладела паника, и курсы акций всех предприятий стремительно полетели вниз. Не сбылись предсказания ни Ирвинга Фишера, ни Гарвардского экономического общества, ни тех многочисленных конъюнктурных бюро, которые выросли в последнее время и составляют необходимый элемент крупных промышленных, торговых и финансовых предприятий. «Быть может, никогда еще весь сонм «предсказателей» так не ошибался и не проявлял в такой степени свое неумение предсказать события в области финансов и хозяйства, как на этот раз» — замечает Нью-Йоркский «Journal of Commerce» уже в номере от 15 октября — как сообщает «Правда»¹.

Наступивший биржевой крах развивался спорадически. Первым днем «больших продаж» биржевых ценностей было 18 октября. В этот день на бирже было продано 3.498.600 акций; на следующий день это огромное число несколько уменьшилось: продано было «всего» 3.484 тыс. акций. Однако, если принять во внимание, что в этот день была суббота, когда биржа закрывается значительно ранее обычного, то эта цифра окажется еще более внушительной, чем предыдущая. Для субботы «Financial News» называет ее «беспримерной». Не удивительно, что уже в понедельник — в следующий биржевой день — эта цифра оказалась выросшей вдвое. Продажа акций достигла числа 6.084.100. Дело принимало оборот крайне серьезный, ибо стали уже образовываться специальные «пулы» («pools»), играющие на понижение. Участились банкротства. Один за другим кончали с собой разорившиеся миллионеры. И как раз в этот момент крупные банки, которые в свою очередь стали нести значительные потери, решили предпринять известные шаги к «спасению положения».

В штаб-квартире монополистического финансового капитала, в банке Моргана, под его личным руководством и председательством состоялось совещание, которое решило, во-первых, выступить с успокоительными заверениями и таким образом смягчить панику и, во-вторых, ассигновать известную сумму на покупку падающих акций с тем, чтобы, если не остановить окончательно, то все же смягчить их падение. Верили ли сами «банкиры» в действительность своих мер? Это весьма возможно, так как одним из распространеннейших объяснений причин биржевого краха было объяснение «психологическое», наиболее ярким представителем которого являлся все тот же Ирвинг Фишер. Вопреки упомянутому факту, что «публика» в сущности держалась тверже тех же банков и стала продавать свои акции, когда понижательное движение уже началось при участии банков,—этот ученый экономист винит во всем «паническую психологию толпы». Из последовавших затем попыток оздоровления этой психологии едва ли не самой типичной является выступление известного миллиардера и председателя «Bathlehem Steel Corporation» — Чарльза Швоба. Сославшись на небывалую цифру производства стали в 1929 г. (на 10% больше чем в 1928 г.), Швоб замечает: «Труд в общем (!) целиком занят в настоящее время. И если сохранится равновесие между производством и потреблением, я не вижу причин, почему бы наше (sic!) процветание не продолжалось бесконечно»...

¹ Л. В. Развитие Кризиса в САСШ. „Правда“, № 296, от 16/XII 1929 г.

«Психика» плохо поддавалась подобным воздействиям. Действительнее был второй из упомянутых «аргументов» банкиров. Скупка ими значительных количеств акций имела своим последствием заметное, хотя и временное, улучшение положения на бирже: 22 октября было продано 4.110.700 акций, или на 50% меньше, чем в предыдущий день. Но уже на следующий день все предыдущие продажи оказались превзойденными: 6.368.600 акций «переменяли своих владельцев». И тем не менее, этот день оказался лишь переходным к еще более тяжелому дню — дню 24 октября, который получил выразительное название «черного четверга». Количество проданных акций достигло рекордной цифры в 12.880.900 штук.

Положение становилось все серьезнее. Над отдельными лицами и над финансовыми организациями тучи сгущались. Совершенно естественно, что «банкиры» стали налегать на аргумент более действительный. Они образовали банкирский «пул» с капиталом в один миллиард долларов. И вначале средство как будто бы действует. Цифра продаж спускается 25-го до 5.910.900, а 26-го — даже до 2.081.911. Но огонь оказывается все-таки отнюдь не потушенным. Немедленно он разгорается с новой силой, и уже 27-го число продаж возрастает до 9.199.700, чтобы подняться 29-го до чудовищной цифры в 16.388.700. А если к этому прибавить еще 7 млн. акций, проданных в тот же день на, так называемом, Curb - Market (вне биржи), то общее число акций, перешедших в этот день с понижением цены в другие руки, окажется совершенно неслыханным: около 23½ млн. Так возник второй «черный день», сразу поднявший общую цифру продаж в течение декады почти до 80 млн. акций. Всего в октябре было продано 141.667.300 акций, что составляет неслыханный месячный рекорд. Характерно, что эту изумительную текучесть обнаружили отнюдь не какие-либо акции второго сорта. Самые лучшие бумаги, «аристократы» фондовой биржи, продавались десятками и сотнями тысяч. А такие первоклассные ценности, как акции «General Motors» были 29 октября проданы в количестве 971 тыс. штук, т.-е. немногим меньше миллиона! Акции «Radio Corporation» — оставили своих прежних владельцев в числе 338 тыс., акции «United States Steel Corporation» — в числе 308 тыс. и т. д.

Уже эти огромные цифры дают представление о размерах краха; еще яснее говорят об этом те колоссальные суммы, какие были потеряны вследствие обусловившего рост продаж падения курсов.

На Нью-Йоркской бирже было зарегистрировано и котировалось в конце прошлого года всего 1.279 различных акций. Общая ценность их 1 октября составляла ни больше ни меньше как 87 миллиардов долларов! И только 240 из этих акций по 20 октября включительно потеряли, по подсчетам газеты «New - York Times» 15,9 млрд. долларов. Рост курсов и биржевая горячка подняли ценность акций 30 наиболее типичных предприятий от средней ценности в 166,04 доллара в 1926 г. — до 381,17 долларов в 1929 г. Этой же цифры достигли акции 3 сентября. А 29 октября, в день максимального октябрьского падения ценности, они стоили в среднем уже только 182,48 доллара, т.-е. упали в два раза слишком. В этот день потери одного только часа достигали 2 млрд. долларов!

К акциям, принесшим наиболее чувствительные убытки, принадлежат акции таких капиталистических гигантов, как «American and Foreign Power» (дочернее общество «General Electric»), «American Telephone and Telegraph», «General Electric», «Bethlehem Steel», (не помог оптимизм Швоба!) — и «U. S. Steel Corporation» — т.-е. акции крупнейших образований монополистического капитализма. Но пострадали акции в с е х

предприятий, о чем свидетельствуют многочисленные таблицы, изображающие движение ценности акций, помещенные в американских газетах и журналах. Мы приведем здесь только несколько цифр этого рода, сгруппированных в следующей таблице.

Изменение курса акций важнейших американских предприятий
в 1928 и 1929 г.г. (в долларах)

Предприятия	1928 г.		1929 г.			
	Январь	Высший курс	Высший курс	23-го октября	Ниспий курс 29 октября	Заключ. курс 30 октября
General Motors	130,00	225,00	92,00	57,50	33,50	49,75
U. S. Steel Corporation	144,00	172,00	262,00	204,00	166,50	185,00
Stand. Oil of New-Jersey	38,00	60,00	83,00	73,50	50,00	65,50
General Electric	130,00	220,00	403,00	314,00	210,00	295,00
Americ. Telef. and Telegraph	138,00	211,00	310,50	272,00	204,00	240,00
Radio Corporation	88,00	400,00	115,00	68,50	26,00	45,75
Amer. and Foreign Power	22,00	85,00	199,00	112,00	50,00	74,75
Allied Chemical	150,00	252,00	355,00	286,50	210,00	228,50

Данные таблицы типичны. Они ясно показывают, каким образом и в каких пределах происходили колебания курса. После 30-го октября значительных перемен не наступило. В результате «интервенции» банкиров средний курс упомянутых уже 30 основных акций поднялся было до 278 долларов слишком. Но 13 ноября он снова испытал пароксизм понижения.

Все эти обстоятельства глубоко отразились на жизни предприятий и отдельных лиц. На бирже и около биржи господствовал неописуемый хаос. Число банкротств и самоубийств росло. К ряду «миллионеров», соперничавших друг с другом в выборе средств к переселению в потусторонний мир, стали присоединяться случайные гости биржи, те, кто, не делая из этого для себя профессии, был вовлечен в биржевую игру заразой всеобщего ажиотажа. Недаром даже такой сухой журнал, как «Financial and Commercial Chronicle», писал в номере от 2 ноября: «текущая неделя принесла с собою величайшую катастрофу, какую биржа когда-либо перенесла. Она повлекла за собою несчетное количество горя и несчастья, связанного с денежными потерями таких колоссальных размеров и охватывающих такие широкие круги, что она, бесспорно, не имеет себе равной во всей истории биржи». Попытки банкиров и других лиц задержать крах имели лишь то последствие, что картина краха все еще не дает представления о его действительных размерах. Ибо, как выражается корреспондент «Frankfurter Zeitung»¹, «только будущее покажет, является ли та или иная фирма, которая получила поддержку и обладает всеми видимыми признаками здоровья, действительно жизнеспособной или она представляет из себя лишь искусно поддурманенный труп».

Таково явление. А его причины? Постараемся в них разобраться. При этом мы начнем с тех из них, которые непосредственно связаны с самою биржей, с природою ее операций. Мы увидим, что этот путь

¹ См. № от 31 октября 1929 г.

неуклонно приводит нас к причинам иного порядка, к явлениям более глубоким, которые обнаружат, что биржа является лишь их простым отображением.

II.

Выше мы видели, что биржевому краху в Нью-Йорке предшествовал продолжительный период роста биржевых ценностей; мы видели, как с немногими перерывами курс котирующихся на бирже акций непрерывно нарастал вплоть до первых дней кризиса. В особенности резкое повышение курса биржевых бумаг началось со второго квартала 1928 г., когда между действительной ценностью акции, приносимым ею дивидендом и ее биржевой ценой утратилось всякое соответствие. На бирже установилось то специфическое состояние, которое носит выразительное название «бума». За акции уплачивались огромные суммы, ибо продажа их на следующий день, часто уже через несколько часов, а иногда и минут — приносила несравнимые ни с каким дивидендом барыши. На бирже и вокруг биржи циркулировали колоссальные суммы; финансирование биржевой спекуляции требовало неслыханных средств. Откуда же брались все эти миллиарды, из какого источника черпала спекуляция свои средства? Поддается ли ее фонд какому-либо учету?

По последнему вышедшему накануне биржевого краха бюллетеню «National City Bank» кредиты, предоставленные банками, от 15,2 млрд. долларов в 1922 г. возросли до 22,4 млрд. в 1929 г.: прирост на 7,2 млрд. Эти суммы обнимают как кредиты чисто коммерческие, так и помещение сумм банков в акциях и облигациях и ссуды под ценные бумаги. Но эти последние как раз и образуют собою средства, предоставленные банками для спекуляции, ибо заклад ценных бумаг производился именно с этой целью. Как же распределялись означенные 7,2 млрд. прироста? Коммерческие кредиты увеличились за 7 лет на 2,1 млрд. долларов. Суммы, затраченные банками на приобретение акций и облигаций, возросли на 1,3 млрд. Зато ссуды под ценные бумаги разбухли на целых 3,8 млрд. долларов, увеличившись от 3,75 млрд. до 7,55 млрд. долларов. Увеличение банковского кредита для целей биржевой спекуляции превышало, следовательно, на 1,7 млрд. увеличение кредита, предоставленного промышленности, и на 1,3 млрд. банки самостоятельно приобрели акции и облигации, что, естественно, не могло не вызвать повышения их курса. Необходимо при этом подчеркнуть, что данные «National City Bank» — относятся только к тем банкам, которые входят в федеральную резервную систему (около $\frac{1}{3}$ всех американских банков), так что размеры участия всех банков в финансировании спекуляции в действительности еще гораздо значительнее. В полном соответствии с этим находится то обстоятельство, что учетная ставка Нью-Йоркского Федерального Банка после депрессии 1924 г. и впредь до второго квартала 1928 г. остается на низком уровне, не превышая 4%. Правда, несравненный разгул спекуляции заставляет Федеральный резервный банк — как мы уже вскользь упоминали — сделать попытку обуздания биржи, и он повышает учетный процент сначала до 4½%, затем до 5% (в июле). Однако, все оказывается тщетным; спекуляция разрастается. В августе 1929 г. Федеральный резервный банк повышает учетный процент даже до 6%. Но и эта мера, как мы уже видели, оказывает лишь весьма кратковременное влияние; после некоторой заминки спекуляция бушует снова. Она продолжает располагать достаточными денежными средствами. И если вначале эти средства доставлял дешевый кредит, то в 1928 и 1929 г.г. росту их

не могла воспрепятствовать даже его дороговизна. Барыши от биржевой спекуляции были столь значительны, что с избытком покрывали всякий расход.

В «технике» биржевой игры значительную роль играют маклеры, маклерские фирмы и профессиональные спекулянты. Строгие правила, существующие для маклеров на Нью-Йоркской бирже, ставят их в особые условия. Простая отсрочка платежа с их стороны неизбежно влечет их удаление с биржи. Форма кредита, которою пользуются эти, так называемые, «брокеры» («brokers»), — кредит, возвращаемый по первому требованию (on call). И о том, в какой степени нарастала активность этих истинных возбудителей биржевой агитации, говорят изменения, происходившие в, так называемых, «брокерских займах» («broker loans». Эти займы за время от 1922 г. по 1928 г. включительно в Нью-Йоркских городских банках — членах возросли больше, чем на 5 млрд. долларов, тогда как вклады в эти банки за то же время увеличились меньше, чем на 2 млрд. долларов. Вот несколько цифр, характеризующих рост «брокерских займов» в целом:

Рост брокерских займов с 1926 г. по 1929 г.

(в млн. долларов)

Январь 1926	3.513
„ 1927	3.139
„ 1928	4.420
„ 1929	6.635
Февраль „	6.679
Март „	6.804
Апрель „	6.775
Май „	6.665
Июнь „	7.071
Июль „	7.474
Август „	7.882
Сентябрь „	8.549

Как видим, увеличение с января 1926 г. по октябрь 1929 г. (все цифры таблицы относятся к концу месяца), т.-е. за 3 и $\frac{2}{3}$ года, составляет 5,04 млрд. долларов! В соответствии с развитием спекуляции прирост брокерских ссуд был особенно интенсивен в 1928 (в особенности за последнюю треть года) и в 1929 г.г., когда за 8 месяцев прирост достиг почти 2 млрд. долл. В то же время, естественно, изменялся и частный процент по бессрочным ссудам. Если в середине 1928 г. он составлял только 6%, затем 7%, — то к концу 1928 г. достигал уже 10 и 12%. Непомерно увеличился учетный процент по бессрочным ссудам в 1929 г. В марте он стоял на небывалой высоте в 20%, чтобы снизиться затем в мае до 15% и в сентябре — до 10%. Снова мы должны сделать вывод, аналогичный сделанному уже выше. Если бессрочные ссуды брокеры могли находить «по дешевой цене» еще в середине 1928 г., то уже в конце этого года и, в особенности, в середине 1929 г. высокий процент уплачивать было выгодно, ибо затрата по кредиту оказывалась совершенно ничтожной, по сравнению с теми чудовищными барышами, какие получали маклеры.

Таким образом, развитие брокерских займов самым красноречивым образом свидетельствует о нарастании деятельности брокеров, а, следовательно, и об увеличении, если не вызываемой, то весьма существенно подогреваемой ими спекуляции. Совершенно очевидно, что условия биржи в известный момент оказались чрезвычайно благоприятными для деятельности брокеров. Но не менее очевидно и то, что деятельность эта, в свою очередь, должна была в высшей степени содей-

ствовать дальнейшему развитию ажиотажа и спекуляции. Однако, на протяжении последних месяцев перед крахом в составе брокерского кредита произошли некоторые, весьма интересные перемены. В чем же они заключались? На этот счет дают указания отчеты Федерального резервного банка. Эти отчеты касаются только федеральной резервной системы; поэтому они не обнимают в с е г о кредита. Без особой натяжки мы можем, однако, допустить, что особенности, выявившиеся в практике резервных банков, отличают практику с брокерами и всех остальных банков.

Резервный банк делит ссуды брокерам на 3 части. Первая рубрика содержит суммы, принадлежащие Нью-Йоркским банкам, вторая—провинциальным, наконец, третья—те, которые составились из вкладов различных предприятий и частных лиц. В середине 1926 г. все категории в одинаковой степени участвовали в финансировании брокеров. Но ко времени биржевого подъема—в 1928 г.—сильно разрастается первая категория, заметно меньше становится вторая, на последнем месте оказывается третья. Банки ссужали брокеров теперь в размере 76%, а предприятия и отдельные лица только в размере 24%. После этого, Нью-Йоркские банки стараются мало-помалу уменьшить свою долю за счет увеличения доли провинциальных банков. В то же время уже в июне 1928 г. доля „третьей“ категории почти удваивается и оказывается на первом месте. Она продолжает расти и дальше и достигает в начале октября 1929 г. почти 4 млрд. долларов, тогда как ссуды, предоставленные брокерам Нью-Йоркскими федеральными банками за счет провинциальных банков и свой собственный, остаются почти на том же самом уровне—около 3 млрд. Наивысшего размера ссуды брокерам достигли 2 октября. На 57% они состояли из доли предприятий и частных лиц. Спекуляция продолжалась, но продолжалась и постепенная замена банками своих собственных средств средствами „третьих лиц“. Очевидно, банки уже учуяли надвигающуюся грозу и старались заблаговременно уменьшить размеры своего риска. Как потом выяснилось, крупные банки были также первыми, кто продажей значительных количеств акций дал толчок к понижательному движению курсов, закончившемуся биржевым крахом.

И так, развитию явлений, приведших Нью-Йоркскую биржу к беспрецедентному краху, в немалой степени содействовали брокеры и профессиональные спекулянты. Это элементы, самым непосредственным образом связанные с жизненными процессами биржевого организма, с техникой биржи. Несколько дальше от него отстоят другие элементы, особого рода организации, самое существование которых возможно только при существовании биржи и вся деятельность которых, не будучи столь явной, как деятельность маклеров, оказывает, тем не менее, огромное влияние на состояние биржевых курсов. Эти организации—образование нового времени; они носят название „Investment—trusts“, „Holding—Companies“, „Trading—Companies“, и т. п. Эти образования настолько интересны, и роль их в последнем крахе настолько значительна, что мы остановимся на них несколько подробнее.

Роберт Лифман называет инвестиционные тресты „Kapital anlagegesellschaften“. Название довольно точно, потому что оно сразу указывает, что целью такого треста является отнюдь не та или иная производительная деятельность, не создание тех или иных товаров, составляющих „богатство современного буржуазного общества“. Цель такого треста—только „помещение капитала“, но помещение, как это само собою разумеется, выгодное, приносящее доход. Откуда же чер-

пается этот доход, если „Anlagegesellschaft“ не интересуется производством? Этот доход может быть получен из биржевой игры, и „Investment—trusts“ занимается тем, что покупает акции самых различных—отечественных и иностранных—предприятий, стараясь разнообразием их обеспечить себя от крупных потерь. Привлекательную сторону участия в таком тресте составляет не только то, что таким образом трест освобождает своих членов от „грязной работы“ биржевой игры; еще заманчивее оказывается распределяемый трестами дивиденд, который всегда превышает дивиденд промышленных предприятий, ибо он создается не обычным доходом предприятий, а биржевыми спекуляциями. „Investment—trusts“ появились сначала в Англии, затем перебросились в Америку и другие страны. Нужно ли говорить, что период американского „prosperity“, в особенности, когда стала нарастать биржевая спекуляция, представлял особенно благоприятные условия для развития „Investment—trusts“? Несколько иного типа организации, носящие название „Holding—Companies“ „Holding Company“, соответствуют немецкому „Kontroll—Gesellschaft“. Как показывает уже это название, „Holding—Company“ стремится „контролировать“, оказывать влияние на деятельность и, следовательно, на администрацию тех производительных обществ, акциями которых она обладает, к чему „Investment—trusts“ всегда более, чем равнодушен. В связи с этим „Investment—trusts“ всегда гораздо охотнее расстается с теми своими бумагами, которые либо теряют, либо, по предположениям треста, должны потерять в своей биржевой ценности, чем то делает „Holding—Company“. С точки зрения биржевой игры и биржевой спекуляции, „Holding—Company“ оказывается, таким образом, организмом, гораздо более тяжеловесным. В противоположном смысле отличаются от „Investment—trusts“—торгующие акциями компании, так называемые, „Trading—Companies“. Их поведение по отношению к акциям и другим биржевым бумагам ничем решительно не отличается от поведения индивидуальных спекулянтов. К этим выросшим из биржи и с биржей связанным типам обществ и трестов необходимо прибавить еще, так называемые, „Finance—Companies“. В противоположность „Investment—trusts“ и „Holding—Companies“, эти „финансирующие компании“, во первых, сами создают общества, акциями которых они располагают, —занимаются, следовательно, грюндерством чистого типа. Во-вторых, они освобождают от акций созданных ими предприятий немедленно после того, как последние стали на ноги. По отношению к бирже их роль выражается в том, что они постоянно увеличивают количество обращающихся на ней ценностей и тем самым во время повышательного движения курсов доставляют все новый и новый материал для спекуляции.

В период подъема биржевых курсов, когда ценность акций беспрерывно растет, и вместе с тем сказочно увеличиваются доходы их обладателей,—естественно растет и эмиссионная деятельность. В известной части эта деятельность является нормальной и здоровой, поскольку она соответствует росту промышленных и вообще хозяйственных предприятий, увеличивающих общественное производство. Однако, все усиливающаяся биржевая горячка весьма скоро присоединяет к таким „здоровым“ акциям акции грюндерского и неприкрыто спекулятивного характера. Кто же занят выпуском этих последних? История нарастания американского биржевого краха отвечает на этот вопрос с полной очевидностью.

Общая эмиссия за первые 9 месяцев 1927 г. составляла 5.589,9 млн. долларов. В 1928 г. она спустилась в то же время до 5.303,6

млн. Но в 1929 г.—за тот же период—поднялась до 8.419,2 млн., что составляет прирост на 3.115,6 млн. долларов (по сравнению с 1928 г.), или почти на 60%. Уже эти цифры сами по себе говорят о размерах и росте эмиссионной деятельности в последнее время. Но на самом деле она была еще гораздо значительнее, чем об этом можно судить по приведенным цифрам. Дело в том, что за то же время чрезвычайно уменьшились иностранные инвестиции. Развившийся после войны экспорт американского капитала, достигавший, как известно, непревзойденных цифр,—в 1929 г. вдруг весьма заметно сократился. За первые девять месяцев 1929 г. иностранные эмиссии на Нью-Йоркском рынке достигли всего 350 млн. долларов, тогда как за тот же период 1928 г. они равнялись 945 млн. долларов. Названная цифра 1929 г. составляет меньше 40% цифры 1928 г. Особенно интересно то, что в третьем квартале 1929 г. общая сумма иностранных займов спустилась до 82 млн. Это самая низкая квартальная цифра за последние 6 лет. Займы иностранным правительствам в 1929 г. составили всего 64 млн. долларов, тогда как за те же 9 месяцев 1928 г. они достигли 586 млн. Таким образом отношение между эмиссиями американскими и иностранными на Нью-Йоркской бирже резко изменилось в пользу американских. Наибольших размеров эмиссия достигла в сентябре 1929 г. когда она равнялась 1.655 млн. долларов против 543 млн. в том же месяце 1928 г.—увеличение в 3 раза. Кто же производил все эти эмиссии, кто наводнял биржу новыми акциями?

Тогда как промышленные акционерные общества за 9 месяцев 1929 г. выпустили акций на $\frac{3}{4}$ млрд. больше, чем в течение всего 1928 г., вышеописанные „финансовые“ организации во главе с „Investment—trusts“ за то же время выпустили их на $1\frac{1}{4}$ млрд. больше. За 9 месяцев 1929 г. эмиссия этих обществ достигла 2.240 млн. долларов; в одном сентябре она составила 643,1 млн. долларов. Что же касается октября, этого месяца „черных дней“ на бирже,—то эмиссия „Investment—trusts“ и близких к ним по типу обществ составляла 66% общей эмиссии. Не удивительно, если акционерный и облигационный капитал этих обществ, целиком оплаченный, равнявшийся в начале 1929 г. 1,6 млрд., вырос к октябрю до 3 млрд. с лишним! Можно ли сомневаться в том, что деятельность „Investment—trusts“, „Holding—Companies“, „Finance“ и „Trading—Companies“—в высшей степени энергично содействовала развитию биржевой спекуляции? Эти общества взвинчивали курсы все решительнее и решительнее, создавая роковой разрыв между биржевой и действительной ценностью акций, между спекуляцией и развитием производства.

Роль брокеров и „Investment—trusts“ в создании биржевой горячки, а следовательно и в подготовке кризиса, огромна. Но было бы ошибкой думать, что в этом неповинны другие капиталистические организации. Напротив, можно утверждать, что вся капиталистическая Америка, плененная легкой наживой, усыпленная навязчивой мелодией „prosperity“, ободренная „учеными“ бреднями об организованном капитализме, об исключительности развития Соед. Штатов, обеспечивающего спокойный, бескризисный рост их капиталистического хозяйства,—принимала участие в биржевой игре. Мы уже видели выше, как возрастала та часть вкладов в резервные банки, которая принадлежала промышленным предприятиям и частным лицам и служила для финансирования брокерских займов. Но роль промышленных предприятий заключалась отнюдь не только в предоставлении займов брокерам. Они выступали на бирже и совершенно самостоятельно. Легкий сбыт и крупные барыши побуждали их выпускать новые акции

своих предприятий по весьма высокому курсу. Прибегали они также и к выпуску облигаций, но так как доход от облигаций ограничен определенным (6—7) процентом, то они предоставляли покупателям облигаций право превратить последние в будущем в акции. Помимо всех этих крупных участников биржевой игры, бурлящий источник спекулятивного обогащения облепили многочисленные отдельные лица — обладатели относительно незначительных сбережений, мечтавшие о том, чтобы, разбогатев, избавиться от лямки ежедневного изнурительного труда. Их роль в биржевой игре, если и не являлась незначительной, все же была пассивной. Биржевую „легенду“ творили не они.

Исключительное значение, как это явствует из всего сказанного выше, принадлежало банкам. Ибо и брокерские кредиты осуществлялись по преимуществу банками или при посредстве банков. „Investment—trusts“ точно также являются созданиями финансового капитала. Банки сыграли крупнейшую роль в развитии спекуляции, и им же принадлежит, как уже сказано выше, инициатива тех действий, которыми ознаменовалось начало краха.

Мы уже видели, что Федеральные резервные банки с половины 1929 г. уменьшают собственную долю в кредитовании брокеров. Мало того, банки стараются понемногу избавиться от приобретенных ими до этого момента акций. А это не могло остаться без влияния, с одной стороны, на биржу, с другой же, — на вкладчиков банков. И действительно,—внезапно онкольные кредиты, предоставленные брокерам за счет „третьей категории“—предприятий и частных лиц,—были в значительных размерах затребованы обратно. За последнюю неделю октября общая сумма онкольных кредитов, затребованных обратно вкладчиками в Нью-Йоркские резервные банки, достигла 1.380 млн. долларов. В то же время доля кредитования брокеров провинциальными резервными банками по той же причине сократилась на 707 млн. долларов. За одну неделю брокерские кредиты уменьшились, таким образом, на 2.087 млн. долларов. Примеру банков и их вкладчиков последовали „Investment—trusts“ и другие организации. А так как таким образом освобождались ценные бумаги, под которые были выданы затребованные обратно ссуды, то предложение бумаг на бирже еще более увеличилось. Положение стало критическим — и именно в этот момент состоялась та „интервенция“ банкиров, о которой мы упоминали выше. Банкиры приобрели заложенных ценных бумаг на 992 млн. долларов, вследствие чего брокерские кредиты в конечном результате сократились не на 2 млрд., а на один. Помощь, как мы уже знаем, оказалась недействительной, ибо к 13 ноября ссуды брокерам, предоставленные Нью-Йоркскими банками, снова уменьшились на 1.366 млн. долларов, при чем первая категория (Нью-Йоркские банки) затребовала обратно 913 млн. долларов, вторая (провинциальные банки) — 214 млн. и третья (предприятия и частные лица) — 239 млн. долларов. Таким образом банки в сущности получили обратно деньги, потраченные ими на „интервенцию“. В связи с другими явлениями, продажей акций „Investment—trusts“ами, предложением их со стороны мелких держателей, охваченных несбыточным желанием спасти хотя бы крохи своих средств,—поведение банков вызвало новое падение курсов и углубление краха.

Таким образом, главные участники спекулятивного подъема курсов являются в то же время виновниками их падения. Но что же их побудило к действиям, относительно значения которых для биржи они не могли сомневаться? Почему вдруг они решили отказаться от огро-

мных барышей, какие им приносила спекуляция, и стали делать то, что, как они прекрасно знали, принесет им неизбежно убытки? Ибо, если даже банкам и удалось возратить свои ссуды,—они потеряли колоссальные суммы, вложенные ими самими в акции. Очевидно, причину такого „странного“ поведения надо искать вне биржи. А если это так, то она может лежать только там, где находится конкретная база самого существования и функционирования биржи, где создаются те реальные ценности, бумажными эмблемами которых являются обращающиеся на бирже акции, если последние и представляются отражением в кривом зеркале. Эта причина может лежать только в капиталистическом производстве,—в материальном процессе развития капиталистического хозяйства в целом.

Развитие биржевых курсов происходило таким образом, что в течение долгого периода от 1922 г. по 1929 г. с незначительными перепадами происходило их поступательное движение вверх. С половины 1928 г. вплоть до октября 1929 г. это движение вверх шло лихорадочным темпом. В конце октября наступил беспрецедентный биржевой крах. Как же шло развитие хозяйственной жизни Соед. Штатов за это время—в особенности развитие их промышленности? Соответствует ли оно развитию биржевых явлений в такой степени, чтобы можно было утверждать, что как продолжительный период подъема, так и короткий момент падения биржевых курсов, расцвет и упадок биржевых операций являются прямым последствием более глубоких экономических феноменов? Мы увидим, что на этот вопрос необходимо ответить с полным основанием утвердительно.

Если принять физический объем продукции хозяйства Соед. Штатов в 1919 г. за 100, то окажется, что вплоть до половины 1929 г. шло непрерывное нарастание объема продукции. В июле 1929 г. этот индекс равнялся 151,2, что составляет, по сравнению с 1922 г., увеличение больше, чем на 50%. Наростание индекса в общем происходило весьма равномерно—за исключением 1921 и 1924 г.г., когда под влиянием экономических кризисов произошло падение индекса: в первом случае на 24,2 пункта (от 103,6 в 1920 г. до 79,4 в 1921 г.), во втором—на 7,5 пункта (от 122,0 в 1923 г. до 114,5 в 1924 г.). Наиболее заметные скачки вверх приходятся на 1925 г., когда индекс физического объема поднялся на 14 пунктов (от 114,5 в 1924 г. до 128,5 в 1925 г.), и 1929 г. (первые 6 месяцев), когда подъем составлял 16,1 пункта (от 135,1 в 1928 г. до 151,2 в 1929 г.). Особенно замечательным является резкий рост индекса в первой половине 1929 г. Рост продукции за этот короткий промежуток больше, чем вдвое, превышает его увеличение от 1925 по 1928 г.г. Припомним, что этот же промежуток времени знаменуется исключительным ростом биржевых курсов и биржевых операций.

Еще более наглядную картину дает индекс промышленного производства, публикуемой ежемесячно „Federal Reserve Board“ом. В январе 1928 г. этот индекс (принимающий среднюю месячную 1923—1925 г.г. за 100) равнялся 105. В течение следующих 5 месяцев он составлял 109, в июле 110, в августе 112, в сентябре и октябре 114, в ноябре и декабре—соответственно 112 и 113. Весь 1928 г. оказывается, таким образом, периодом сплошного нарастания производства. В 1929 г. рост в первой половине года является беспрецедентным. От 117 в январе и феврале индекс „F. R. B.“ вырастает в марте до 119, в апреле до 122, в мае до 123, в июне до 126. Однако, уже в июле начинается снижение индекса до 124. В августе он равняется 123, в сентябре 121, в октябре 117 и в ноябре резко падает до 107.

Как видим, сокращение промышленного производства предшествует падению биржевых курсов. Больше всего оно акцентировано в октябре и ноябре. Но эти месяцы и являются месяцами полного развития биржевого краха.

Присмотримся теперь несколько внимательнее к росту промышленной продукции—по ее важнейшим отраслям. Воспользуемся для этого индексами „Survey of Current Business“. Интересующие нас данные собраны в следующей таблице:

Развитие важнейших отраслей промышленности Соед. Штатов с 1926 по 1929 г.г.
(1923 — 1925 г.г. = 100)

Годы	Отрасли промышленности		Автомобильная	Строительная	Сталелитейная	Чугунная	Медная	Хлоп.-бум.
	Обработ.	промыш.						
1926	108,0		108,4	111,0	113,1	—	—	108,5
1927	106,0		85,7	106,8	104,6	—	—	120,2
1928	111,0		109,8	121,4	120,2	—	—	106,8
Январь	117	122	121,5	88,6	129,9	—	—	130,2
Апрель	123		188,2	128,0	142,8	—	—	123,1
Май	124		182,9	122,4	152,5	130,5	141,6	130,2
Июнь	128		165,2	109,7	141,2	124,4	124,9	111,1
Июль	126		151,5	113,7	139,9	126,7	120,1	106,5
Август	—		150,7	100,5	142,5	125,7	119,6	108,6
Сентябрь	—	125,6	90,2	130,5	116,0	119,3	106,3	

Рассмотрение данных этой таблицы приводит в первый момент к тому же результату, т. е. к констатированию тех же явлений, которые суммарно уже намечены развитием индекса физического объема и индекса „F. R. B.“ Все цифры красноречиво говорят об одном и том же. Важнейшие отрасли промышленности неуклонно развиваются, причем их развитие становится особенно интенсивным как раз в последнее время: в 1928 г. и, главным образом, в 1929 г. И если бы мы для оценки положения воспользовались суммарным индексом каждой отрасли промышленности за первые 9 месяцев 1929 г., то мы, как это видно на примере обрабатывающей промышленности, безошибочно пришли бы к заключению, что этот год не менее, а даже весьма заметно более благополучен, чем все предыдущие: общий индекс каждой отрасли сильно превышает индекс 1928 г. Так, в сущности поступал, между прочим, и миллиардер Швоб, когда он своим деланным оптимизмом старался повлиять на „настроение“ биржи; так же делает и „сам“ президент Гувер, когда он утверждает, что, несмотря на биржевой крах, в промышленности все обстоит благополучно. Однако, совершенно очевидно, что поступать таким образом—значит более или менее наивно и чистосердечно заниматься тем, что на немецком языке весьма выразительно называется „Vogelstrauspolitik“—„политикой птицы страуса“. Как известно, эта африканская птица, отличающаяся больше размерами, чем интеллектом, с приближающейся опасностью борется тем, что прячет свою голову под крыло.

С прямолинейностью, которой мог бы позавидовать Декарт, Швоб и Гувер заключают: я опасности не вижу—ergo ее нет. Оставим в стороне вопрос, является ли такой метод борьбы с экономическими

трудностями искренним или больше напускным. Во всяком случае, мы должны от него отказаться и рассмотреть колебания индекса „Survey of current business“ помесячно. Тогда мы тотчас же заметим, что индекс, сильно поднявшийся в первые месяцы 1929 г., начинает заметно снижаться в июне, а в некоторых случаях уже и в мае. Движение это становится все решительнее и решительнее и достигает в некоторых отраслях промышленности в сентябре уровня, гораздо более низкого, чем, например, апрельский. Так обстоит дело в промышленности автомобильной, где за это короткое время индекс упал на 62,6 пункта (больше чем на 33 %); то же имеет место в промышленности строительной (падение индекса на 37,8 пункта) и в сталелитейной (падение индекса на 12,3 пункта).

Как видим, развитие основных отраслей промышленности Соед. Штатов происходит таким образом, что они достигают наибольшего расцвета—„prosperity“—в первой трети 1929 г. и начинают увядать после этого момента. „Расцвет“ первой трети настолько интенсивен, что он перекрывает последующее падение и делает благоприятным общий индекс за 9 месяцев (также и индекс физического объема производства всего хозяйства). Тем не менее, сокращение производства, начиная с июня, настолько значительно, что оно превращается в весьма серьезный признак. Прежде всего, оно говорит о том, что то самое „равновесие между производством и потреблением“, о котором так много говорили американские капиталисты и банкиры, пытавшиеся успокоить биржу, вопреки их мнению, весьма серьезно нарушено. Американское хозяйство самым очевидным образом страдает от переизводства. До тех пор, пока производство расширялось и капиталистам удавалось, хотя бы такими героическими средствами, как, чрезвычайно развитая в Соед. Штатах продажа в рассрочку (достигающая 25% всего количества проданных в розницу товаров), поддерживать пресловутое „равновесие между спросом и предложением“,— до тех пор все обстояло благополучно. Но как только появились признаки уменьшения спроса (индекс оптовых цен от 158,7 в 1925 г. спустился до 149,8 в 1928 г. и 140,9 в декабре 1929 г.),—сокращение производства стало настоятельной необходимостью. Как видим „кривая“ развития промышленности чрезвычайно напоминает кривую развития биржевых операций, с той только разницей, что как момент наивысшего расцвета, так и момент начала снижения для кривой промышленности наступили раньше, чем для кривой операций биржи. Интересно отметить, что в противоположность другим своим собратьям и в противоположность „оптимисту“ Гуверу, положение довольно отчетливо понимает Форд. Он отказывается видеть причину биржевого краха в явлениях самой биржи. На одном из совещаний капиталистов, устроенном Гувером в целях обуздания разбушевавшейся стихии биржи, Форд определенно заявил, что причиной биржевого кризиса он считает кризис переизводства.

Вот как развивалось производство автомобилей в 1929 г. (месячная средняя 1928 г. составляла 363.200 шт.):

Месяцы	Количество	Месяцы	Количество
Январь	401.036	Июль	517.900
Февраль	466.352	Август	513.800
Март	585.222	Сентябрь	417.000
Апрель	663.200	Октябрь	308.000
Май	635.600	Ноябрь	214.000
Июнь	566.900	Декабрь	125.445

Начавшееся с мая падение автомобильного производства продолжалось решительно и неуклонно на протяжении всех последующих месяцев. Между тем, автомобильная промышленность по своему развитию является первой в Соед. Штатах. Первое же место она занимает и по потреблению стали. В 1924 г. автомобильное производство поглотило 23% всей продукции стали, в 1926 г.—23,5%, в 1928 г.—18%. Это значит, что автомобильная промышленность в значительной степени влияет на сталелитейную. Очевидно, падение производства автомобилей должно было отрицательно отразиться на производстве стали.

Другую отрасль промышленности, потребляющей в значительных количествах сталь, является строительная промышленность (соответственно в те же годы—14,4%, 13,1% и 16,5%). Но, как мы уже видели из изменения индексов, эта промышленность точно так же стала обнаруживать упадок, начиная с мая 1929 г. Строительная промышленность особенно сильно развилась после войны. Тогда как в 1915 г. в этой области было заключено контрактов на 940 млн. долларов, в 1919 г. их сумма сразу возросла до 2.580 млн. В 1928 г. она поднялась, постепенно возрастая, до 6.687 млн. и составляла в первые 11 месяцев 1929 г. 5.456 млн. долларов. Вся ценность строительных подрядов в 1929 г., по сравнению с 1928 г., упала на 13%. В декабре эта ценность упала, по сравнению с декабрем 1928 г., даже на 43%. Это был самый низкий уровень за последние 5 лет. Но в американском строительном деле особую роль играет жилищное строительство. И, вот, тогда как сумма контрактов в этой области неизменно нарастала и составляла в 1928 г. 2.733 млн. долларов (против 2.490 млн. в 1927 г. и 2.339 млн. в 1926 г.,— за 11 месяцев 1929 г. она достигла только 1.819 млн. долларов. Здесь мы имеем дело уже с явным падением, которое не может не отразиться на общем положении строительного дела. Как мы видели уже из таблицы индексов, последние месяцы 1929 г. обнаруживают падение строительной деятельности довольно явственно.

Таким образом, уменьшение спроса на сталь во второй половине 1929 г. со стороны главных ее потребителей—факт несомненный. Правда, стальная промышленность обладает третьим крупным „клиентом“, а именно—транспортом. Железные дороги поглотили в 1924 г. 10,1% всего производства стали, в 1926 г.—14,5%; в 1928 г.—16,0%. И железные дороги продолжали делать значительные заказы стальной промышленности даже в сентябре и октябре 1929 г. Однако, эти заказы не могли парализовать влияния сокращения потребления со стороны автомобильной и строительной промышленности, которые—в особенности после войны—определяют конъюнктуру в С. Штатах. Вот как развивалось производство стали в 1929 г. (в млн. т): январь—41,5, февраль—4,3, март—5,1, апрель—4,9, май—5,3, июнь—4,9, июль—4,8, август—4,9, сентябрь—4,5, октябрь—4,5, ноябрь—3,5 и декабрь—2,8.

В третьем квартале положение стальной промышленности явно ухудшилось. Еще хуже оно стало в четвертом. Средняя дневная производства составляла в октябре 167 тыс. т, в ноябре 135 и в декабре 115,9 тыс. т. С мая по декабрь падение составляет 30%. При этом процент использования оборудования от 99,5 в мае (maximum) упал в декабре ниже 60, а в последние дни этого месяца едва достиг 45.

Само собой разумеется, что сокращение производства стали не могло не отразиться и на выплавке чугуна. Средняя выплавка за день с августа по сентябрь—за один только месяц—упала почти на 5%. Еще красноречивее тот факт, что за два месяца—в августе и сентябре

—было потушено 11 домн, а в октябре и ноябре—28. С мая по декабрь число домн в действии упало на 20%.

Но резкое сокращение производства автомобильного и строительного производства отразилось не только на положении металлургии. Ведь строительная промышленность является заказчиком почти всех отраслей тяжелой индустрии (цемент); что же касается автомобильной промышленности, то, помимо того, что ею потребляется не меньше $\frac{3}{4}$ всего производства резиновой промышленности, она представляет огромный спрос на цветные металлы, материю, кожу, целлюлоид, стекло и т. д. И мы уже видели, что индекс производства меди с мая по сентябрь 1929 г. снизился на 22,3 пункта. Так же неблагоприятно сложилось положение и для цинка. Тогда как в сентябре 1929 г. было продано 51,7 тыс. т, в сентябре 1929 г. продажи составили всего 47,8 тыс. т. Правда, в этом месяце производство цинка составляло 53,5 тыс. т против 50,6 тыс. т в сентябре 1928 г. Но увеличение производства при одновременном падении спроса как раз и есть то самое нарушение „равновесия между спросом и предложением“, какового так боится Швоб и tutti quanti.

Таким образом, падение спроса, резкое сокращение производства для ряда отраслей промышленности в третьем, а отчасти, даже во втором квартале 1929 г.—факт совершенно очевидный. Само собой разумеется, что эти обстоятельства не могли не отразиться на привлекательности акций охваченных депрессией промышленных предприятий для их владельцев, широкой публики и профессиональных спекулянтов, пока они играли на повышение. Депрессия, явно обнаружившаяся в основных отраслях промышленности, при хроническом кризисном состоянии американского земледелия, должна была оказать свое влияние на состояние биржевых курсов. Ибо по отношению к акциям она должна была сказаться тою своею стороною, какая для биржевиков важнее всего: она должна была уменьшить их доходность. Промышленная депрессия, следовательно, действовала в сторону, прямо противоположную тому чудовищному, неслыханно раздутому и нездоровому подьему курса биржевых ценностей, который на почве недавнего еще расцвета промышленности сумели создать все эти „Investment—trusts“, „Trading—Companies“, брокеры и профессиональные спекулянты. Депрессия явилась для всей несметной рати биржевых игроков ушатом холодной воды.

Но какова материальная связь промышленности с биржей, каковы, в частности, конкретные формы влияния данной депрессии на нью-йоркскую биржу? О каких потерях для спекулянтов идет здесь речь?

В 1927 г. все акционерные общества получили около 9 млрд. долларов чистой прибыли. Из этой колоссальной суммы на долю фабрично-заводской промышленности пришлось около 4 млрд., при чем металлопромышленность получила 1,5 млрд., на долю транспорта и предприятий общественного пользования—больше 1,5 млрд.; банкам, страховым компаниям и другим финансовым учреждениям досталось также свыше 1,5 млрд.; торговые общества получили около 1,2 млрд. Относительно 1928 и 1929 г. г. полной сводки пока нет; появившийся в ноябре отчет „National City Bank'a“ касается только 638 акционерных обществ. За 9 месяцев 1928 г. эти общества получили 2.680 млн. долларов; за то же время в 1929 г. их доход возрос до 3.224 млн.—прирост в 20,3%. Больше всего выросла прибыль предприятий промышленных и торговых—на 26,7%, при этом львиная доля досталась стальной промышленности—ее доход увеличился на 91%. Прибыль стальных предприятий от 1922 по 1928 г. составила 930 млн. долларов

причем доходы одной „U. S. Steel Corporation“ достигли 642 млн. долларов. По годам эта прибыль нарастала следующим образом: в 1922 г.—39,7 млн. долларов; в 1923—108,7 млн.; в 1924—85,1 млн.; в 1925—90,6 млн.; в 1926—116,7 млн.; в 1927—87,9 млн.; в 1928—114,2 млн. и, наконец, в 1929 г.—за 9 месяцев—147,6 млн. долларов. Что касается выплачиваемых дивидендов, то все акционерные общества (за исключением страховых компаний) выплатили их в 1922 г.—6.785 млн. долларов; в 1923 г.—5.060 млн.; в 1924 г.—4.849 млн.; в 1925 г.—5.733 млн.; в 1926 г.—6.703 млн. и в 1927 г.—7.116 млн. долларов. В 1928 г. промышленные, торговые и банковские предприятия выплатили своим акционерам за 9 месяцев 2.385,8 млн. долларов, а в 1929 г. за то же время—3.122,0 млн. долларов, что составляет прирост в 34%. Из этой суммы электрические, газовые и водопроводные предприятия выплатили 576 млн. (против 448,8 в 1928 г.), стальная промышленность—129,7 млн. (против 100,7 в 1928 г.), банки—146,5 (против 108,2 в 1928 г.). Что же касается автомобильной промышленности, то вместо 167,2 млн. долларов, выплаченных ею в 1928 г., в 1929 г. она уплатила только 155,1 млн.; являясь руководящей, эта промышленность сохраняет свое положение и тогда, когда расцвет сменяется депрессией.

Итак, прибыли и дивиденды акционерных обществ в эпоху подьема конъюнктуры и, в особенности, во время расцвета ее—в последние полтора года—достигли сказочных размеров. Желание принять участие в этой оргии обогащения составляет самую действительную и самую постоянную причину проявленной биржею алчности по отношению к акциям столь процветающих и столь плодоносных предприятий. Эту алчность, это стремление к обогащению постоянно поддерживала деятельность „Investment—trusts“ и тому подобных организаций; участие брокеров и профессиональных спекулянтов искусно доводило эту страсть до состояния лихорадки. Но если страстно было желание принять участие в благодеяниях, приносимых акционерными обществами во время их процветания, то совершенно исключительных размеров достигал ужас перед потерями, когда оказывалось, что обладание акциями вместо прибыли сулит убытки. И подобно тому как деятельность специфически биржевых организаций и биржевых спекулянтов взвинчивала до невероятных размеров страсть к обогащению, она также превращала боязнь потерь в безумную панику. Начавшаяся депрессия, при помощи этого уродливого механизма, превратилась в биржевой крах, который, в свою очередь, мог депрессию только усилить.

Таким образом, нельзя не видеть полной зависимости биржевого краха от депрессии в промышленности и вообще в хозяйстве С. Штатов. Биржевой крах—только самое яркое, самое очевидное и эффективное проявление экономического кризиса. Развитие кризиса может идти неравномерно. Так, в январе 1930 г. продукция стали в С. Штатах снова выросла по сравнению с декабрем на 21% (вместо обычного сезонного роста на 12,3%); средняя дневная продукция составляла 140.234 т против 115.851 в декабре. Точно также использование оборудования возросло до 71,51%; заказы увеличились на 45,5%. Однако, обе последние цифры сильно уступают соответствующим цифрам января 1929 г., когда использование оборудования достигало 86%, а заказы превышали заказы января 1930 г. на 13,25%. К тому же, если производство автомобилей и поднялось в январе до 300.000 штук (против 401.036 в январе 1929 г.), то дневная средняя строительных контрактов в январе является самой низкой после 1926 г. Общая сумма контрактов в январе—на 21%

ниже, чем в январе 1929 г. и на 27% ниже, чем в январе 1927 г. Оживление в стальной промышленности весьма легко может оказаться результатом того сговора президента Гувера с крупными капиталистами, в силу которого последние (Юнг—от имени „General Electric“, Айлон—от имени „General Motors“, Тигль—от „Standard Oil“, Дюпон, Форд и т. д.) обещали „продолжать производство в прежних размерах“. Во всяком случае некоторое оживление стального производства не в состоянии парализовать таких явлений, как прогрессирующее падение цен (в декабре—на $4\frac{5}{8}\%$; в январе падение продолжалось) и несравненный рост безработицы.

Промышленная депрессия в числе других своих последствий уже в настоящее время чрезвычайно остро поставила вопрос о безработице. Уже во время подъема число безработных, благодаря, главным образом, капиталистической рационализации, непрерывно возрастало. Индекс числа рабочих, занятых в промышленности, изменялся следующим образом: в 1923 г.—104; в 1924 г.—96; в 1925 г.—100; в 1926 г.—101, в 1927 г.—99, в 1928 г.—97, в 1929 г.—за первые 9 месяцев—101. Как показывают эти цифры, число рабочих, по сравнению с 1923 г., в последние годы заметно упало. Еще резче те сокращения, которые произошли со времени начала депрессии, в особенности после биржевого краха. Резолюция Политбюро компартии САСШ констатирует, что „безработица в САСШ охватила свыше 5 млн. человек и продолжает возрастать („Правда“ от 14 января 1930 г). В конце февраля число безработных составляло около 6 млн. человек.

Мы не будем здесь говорить о том, что этот факт сам по себе является существенным фактором кризиса. Само собою разумеется, что вследствие этого только еще больше сократится спрос, а это вызовет дальнейшее сокращение производства. Более важным представляется другое.

Капитализм, проводя самым жестоким образом рационализацию, как показывает и вышеприведенный индекс числа рабочих, выталкивает из процесса производства все большие и большие массы занятых в нем пролетариев. Во время депрессий и кризисов эти массы—как показывает резолюция Политбюро—должны вырастать в угрожающих размерах. Создается положение, когда одна часть народа занята в процессе производства, другая же из него выталкивается. По мере развития капитализма и рационализации, вследствие все растущего числа вытесняемых все более совершенными машинами числа рабочих, первая часть должна все уменьшаться, вторая—все увеличиваться. Постепенно она вытесняется не только из процесса общественного производства, но и из процесса общественного потребления. Задача классовый борьбы ставится с неумолимою ясностью. Противоречия капитализма достигают крайнего предела. Пролетариат не может превратиться в пассивный объект корыстолюбивых капиталистических экспериментов и должен взять организацию общественного производства в свои руки. Путь к этому лежит через его диктатуру.

Каково бы ни было дальнейшее развитие современного момента американского хозяйства, созданное им резкое обострение основных капиталистических противоречий только усиливает необходимость и приближает момент их окончательного разрешения. В то же время кризис с полной очевидностью показывает, что развитие хозяйства Соед. Штатов происходит отнюдь не в сторону „организованного капитализма“, а в сторону замены капитализма социализмом.